

Глава 29

В «параллельном мире»

«Гипотеза надежды».

Невозможность создания новых развитых капиталистических стран.

«Рабочие волнения в СССР в начале 60-х годов».

Расскажу немного о своей жизни в конце 70-х — начале 80-х годов. Это был относительно мирный период.

Провалилась еще одна попытка создать журнал (с ориентировочным названием «Диалог») из-за раскольников Бориса Шрагина.

Закрыли и на «Свободе» мой радиожурнал «Диалог». В этом журнале (объемом в 30 минут) я сводил людей Света и Тьмы, полусвета и полутьмы, демократов, авторитаристов и националистов, используя интервью с ними, выдержки из их статей в самиздате и тамиздате. За «круглый стол» «диалога» я «сажал» и восточноевропейских диссидентов разных политических направлений. Согласно опросам слушателей в СССР, проводимых иностранными корреспондентами по заказу администрации РС, мой «Диалог» имел самый высокий рейтинг после, разумеется, новостных передач. И это, конечно, вызывало возмущение «солжистов» (так я для краткости называю сторонников Солженицына) и «солидаристов» и примкнувших к ним демократов. Не нравилось, конечно, такое положение и «кураторам» на Лубянке! Началось затяжное давление на администрацию с целью закрыть «Диалог». Запомнился такой эпизод. Подготовил я к передаче очередную программу, в которой сопоставлял высказывания Сахарова и Солженицына на определенную тему. И вдруг прибегает ко мне замдиректора русской службы некто Герд фон Деминг, полурусский-полунемецкий американец, отчаянно ломавший из себя русского патриота, и заявляет, что передача в эфир не пойдет, так как Сахарову я дал на 15 строчек больше, чем Солженицыну! Пришлось мне вырезать 15 строчек у Сахарова. Я понимаю, что в такое трудно поверить, но так было, в такой атмосфере приходилось работать. Ну и кончилось все тем, что «Диалог» прикрыли под каким-то, я уже не помню, бредовым соусом.

Произошло и еще одно знаменательное событие. В начале 80-го года из СССР, из Сыктывкара приехал в Германию двоюродный брат Аниты, Рудольф Морин (он взял фамилию своей русской жены!), по приглашению его родного брата, эмигрировавшего в Германию. Заглянул и к нам в Мюнхен, остановился у нас на пару дней.

И — рассказал нам, что в Сыктывкаре его вызывали в КГБ и поставили условие, что он получит разрешение на поездку в Германию, если окажет им небольшую услугу. В Мюнхене, сказали ему чекисты, живет ваша двоюродная сестра Анита Бришке, вышедшая замуж за писателя Вадима Белоцерковского, работающего на «Свободе». Вы должны посетить ее, познакомиться с ее мужем и, первое, выяснить его настроения, узнать, не думает ли он о том, чтобы вернуться на родину, а во-вторых, узнать, не едет ли кто-нибудь из его окружения на олимпийские игры в Москву?

Что касается первого вопроса, то в КГБ, видимо, узнали о моих конфликтах с «вождями» эмиграции и о закрытии программы «Диалог». Вдруг я в обиде и хочу вернуться?!

Важным для меня было и то обстоятельство, что беседу с двоюродным братом Аниты вели в Сыктывкаре! Значит, туда пришло указание из Москвы, и в Москве должны были узнать, что у жены есть двоюродный брат, и где он живет, и что в Германию хочет поехать! Серьезную работу надо было проделать: провести всесоюзный розыск человека, которого можно было бы подослать ко мне! Очень опасным врагом, очевидно, меня считали на Лубянке. Подтверждение этому я получил через много лет, когда, как я уже рассказывал, узнал от мужа моей внучки, сына украинского чекиста, специалиста по борьбе с вражескими радиоголосами, что мое имя в «центральной аппарате (в Москве) стояло очень высоко» .

Меня вдохновило это внимание КГБ: признание врагов — дорогого стоит, но я недооценил влияние КГБ на эмиграцию. Понял я это лишь в трагическом для меня 1985 году, когда был уволен со «Свободы».

Какова была моя жизнь в это время в «параллельном мире будущего»? В конце 70-х годов я написал и в 81-м году с помощью Сергея Довлатова опубликовал в американском журнале «Новый свет» (№ 7) статью «Гипотеза надежды», посвященную размышлениям о природе советских диссидентов. (Статья была включена мною в сборник «Из портативного ГУЛага российской эмиграции, изданный мною в 1983 году.) Приведу здесь важнейшие фрагменты из этой статьи.

Гипотеза надежды

...Не надо, думаю, доказывать, что негативные метаморфозы, происходящие с большинством диссидентов при их выезде на Запад, в эмиграцию, говорят о том, что такими они были, видимо, и раньше по своей внутренней сути.

...И тут возникает важный вопрос — кого представляют диссиденты в советском обществе? Тут возможны два ответа, две гипотезы.

Первая. Диссиденты представляют лучшую часть советского общества. Эта гипотеза — глубоко пессимистическая. Если это так, то надеяться нам на «светлое будущее» по крайней мере в обозримом будущем очень трудно.

«Облегчение» дает лишь вторая возможная гипотеза, которую и можно назвать гипотезой оптимизма и надежды. А именно, что диссидентство в массе своей представляет не лучшую часть советского общества и интеллигенции.

Сравнение с диссидентами из Чехословакии наводит на мысль: в условиях почти полной безнадежности, существующих в Советском Союзе (в отличие от значительно более мягких преддубчековских условий в Чехословакии), люди серьезные, способные здраво и ответственно мыслить и действовать, и в то же время порядочные, морально уравновешенные, редко втягиваются в открытую борьбу с режимом. Им труднее бросать свою профессию, в которой они чаще всего весьма квалифицированы, труднее близких ставить под удар, одним словом, труднее становиться героями. Но упрекать таких людей за то, что они не способны на безоглядный героизм и самопожертвование, никто не вправе. Как говорил Антон Чехов, «только злой или неумный человек может требовать от людей героизма»...

В Чехословакии перед 68-м годом условия были значительно мягче и существовала какая-то осязаемая надежда на успех — и там на диссидентство поднялось много серьезных людей,

представлявших, видимо, действительно лучшую часть общества. Что и явилось главной причиной явления бескровного чуда Пражской весны.

В Советском же Союзе из подобных людей в диссидентство втягиваются, очевидно, лишь лучшие из лучших, люди типа Сахарова, Орлова. А за ними в преобладающей численности идут люди совсем других типов.

Идут люди, до пределов терпения измороженные жизнью, которым уже нечего терять. Чаще всего они мыслят крайне эмоционально, «реактивно», а переозлобленность многих из них чревата деморализацией.

Идут люди инфантильные, которых во множестве плодит советский образ жизни. Они, как правило, плохо представляют себе, что их ждет в реальности, не способны сами создавать определенную атмосферу вокруг себя и подчиняются тому стилю, который навязывается обстоятельствами или лидерами. Очень многие советские диссиденты производят впечатление 40-летних мальчиков. Если в русском диссидентстве XIX века преобладали «лишние люди», то можно сказать, что в современном преобладают «лишние мальчики».

Далее идут крайние честолюбцы. И в их числе люди, ищущие спасения от своей внутренней пустоты, свою творческую импотенцию списывающие на счет режима.

Можно привести и другую градацию. А именно, если часть людей (в СССР) идет в диссидентство потому, что их особенно сильно бьют, а другая, самая лучшая и, увы, самая малочисленная — из сострадания к избиваемым, то третья категория людей идет в оппозицию оттого, что им бить не дают! Бить и властвовать. Для них это тождественно. Режим окостенел — все места наверху заняты. И нет ни демократизации, ни ресталинизации, при которой лестницы наверх начали бы очищаться за счет террора и доносов. Мне легко представляется, что сегодня, например, Лысенко вполне мог бы пойти в диссиденты, особенно в период, когда появилась возможность выезда. Ибо президентом (ВАСХНИИЛа) он сегодня уже не смог бы стать, не смог бы расчистить себе путь наверх с помощью доносов, и при наличии некоторой смелости, а также способности наплевать на судьбу своих близких, вполне мог бы переметнуться в диссиденты. Что делать сегодня в Союзе человеку, которого обуревают непомерное тщеславие или властолюбие? В эмиграции такие люди проявляются во всей своей красе.

Итак, «гипотеза надежды» состоит в том, что своим беспросветным и безрассудным гнетом режим удерживает от активного противостояния лучшую часть общества; и он же с помощью того же самого гнета прессует из наилучшего материала нечто подобное искусственному алмазу, который светится отраженным светом от отдельных вкрапленных в него настоящих, естественных алмазов. Возможно, что решающую роль тут играет «сила света» Сахарова.

На Западе же искусственный диссидентский алмаз, выйдя из-под тоталитарного сверхдавления, немедленно начинает расползаться в дурно пахнущую массу.

Это парадоксальное положение умнейший Юлий Даниэль, поделник Синявского, понял, даже находясь в России. «Неужели мы можем оставаться людьми, только когда КГБ нас держит за горло?!» — воскликнул он в одном из своих открытых писем, когда узнал, что творится в эмиграции.

И вопрос вопросов — существует ли в действительности в стране «лучшая часть общества», которая не хочет пока втягиваться в борьбу с режимом? Или иначе, может ли она, такая

часть, в достаточном количестве вырабатываться в условиях тоталитарного режима? Не представляет ли все-таки нынешнее диссидентство лучшую часть советского общества?»

Глядя из сегодняшнего дня, видится однозначно отрицательный ответ.

Невозможность создания новых Развитых капиталистических стран

Но самой важной мыслью, выношенной мною в тот период, была мысль, точнее, опять же гипотеза о невозможности создания новых развитых капиталистических стран. Развитые – это когда с развитой демократией и правопорядком, с развитой наукой и обрабатывающей, товарной промышленностью, с высоким уровнем образования и здравоохранения, ну и с относительно высоким уровнем жизни населения.

К упомянутой выше гипотезе я пришел, наблюдая за положением в странах третьего мира и за экономической экспансией развитых капиталистических стран, экспансии их объединенного капитала.

(Гипотезу эту я не смог опубликовать в эмиграции. Она нашла себе место лишь в последней моей книге «Продолжение истории: синтез социализма и капитализма»).

Ход моих рассуждений был примерно таков.

Капитализм в Европе развивался постепенно, поэтапно, с создания небольших капиталистических предприятий и учреждений. Но подобное развитие сегодня, видимо, становится уже нигде не возможно ввиду наличия в мире мощных капиталистических стран, с их подавляющей конкуренцией и с их стремлением превращать «развивающиеся» страны в свои сырьевые приатки или резервуары дешевого труда.

«Развивающиеся» страны лишены также возможности иметь колонии, которые в свое время помогали нынешним развитым странам накапливать капиталы, создавать мощную индустрию и иметь закрытые колониальные рынки для ее продукции.

Мешает возникновению развитого капитализма и распространение в мире правового сознания, которое препятствует процессу безудержного первоначального накопления. Сегодня даже в Африке нельзя заставить людей работать по 15 часов в сутки, как то могли делать предприниматели в Англии при становлении там капитализма.

Интересно, что во время перестройки на это обстоятельство обратил внимание не кто иной, как Егор Гайдар. В статье «Частная собственность — новый стереотип» он писал: «Желание как можно скорее перенести к нам витрины и уровень жизни развитых капиталистических стран по-человечески понятно. Но это еще не повод закрывать глаза на ту сложнейшую эволюцию, результатом которой являются их современные общественные институты. Основы социальной иерархии капитализма формировались, когда идея общественного неравенства была еще прочно укоренена многовековой традицией, и сохранялись унаследованные от феодализма формы легитимации разделения общества на господ и простолюдинов».¹

¹Московские новости.8.09.1989

Замечательные, умные слова! Увы, через два года Гайдар, став премьером, забыл о них: надо было выполнять волю номенклатурных коммунистов, пожелавших скорейшим образом превратиться в капиталистов!

Но вернусь к теме. Может показаться, что развитой капитализм вызревает в ряде стран средней и дальней Азии. Но это мираж. Богатая жизнь маленьких нефтяных эмиратов не означает формирования там полноценного развитого капитализма. Они продолжают оставаться сырьевыми придатками развитых стран, и с ростом их населения, а оно там растет очень бурно, происходит падение его жизненного уровня. Ведь обрабатывающая промышленность и наука там не развиваются! То же самое относится и к маленьким азиатским странам, «маленьким тиграм», относительно высокий уровень жизни в которых обеспечивается их ролью удобных площадок для финансовых операций западного капитала, эксплуатирующего большие азиатские страны. Кроме того, надо помнить, что развитию таких стран, как Тайвань и Южная Корея, способствовали Америка и Япония, которые стремились создать из них бастионы против красного Китая.

Сокрушительный финансовый кризис, случившийся недавно в этих «догоняющих» странах третьего мира, подтвердил мою гипотезу о невозможности возникновения новых развитых капиталистических стран. «Догоняющая модернизация», как признают сейчас почти все экономисты мира, потерпела крах.

Очевидно, во всех сферах мироздания процессы зарождения и вызревания новых субстанций возможны лишь при совпадении определенных условий. Когда эти условия исчезают — прекращаются и упомянутые процессы. Наука, к примеру, доказала, что на Земном шаре уже невозможен процесс возникновения живой материи, как то происходило миллионы лет назад. Условия изменились радикально — Земля постарела.

В последний, марзматический период сталинщины «советская наука» в лице профессора Лепешинской попыталась опровергнуть «постулат буржуазной лженауки» о невозможности зарождения живой материи на Земле, но, естественно, попытка эта потерпела позорное фиаско.

То же самое относится и к рождению определенных социальных формаций. Тут тоже необходимо сочетание благоприятных условий. Не нужно, думается, доказывать, что сейчас уже невозможно появление где-нибудь рабовладельческого или феодального строя! По тем же причинам невозможно и формирование в какой-либо новой стране развитого капиталистического уклада, подобного существующему в странах Запада.

Эта гипотеза, которая мне представляется уже доказанной жизнью, еще более укрепила мое предположение, что для России было бы губительным создание капиталистического строя, если бы это было возможным. Но, как я уже не раз говорил, я не видел возможности для капитализации России, так как не допускал мысли, что класс номенклатурных коммунистов останется у власти в случае падения тоталитарного «коммунистического» режима и сможет завладеть ресурсами и промышленностью страны. «Кто же это им позволит — у власти остаться! — думал я. — Дай бог, чтобы их резать не начали!»

Рабочие волнения в ССР в начале 60-х годов

Важной, на мой взгляд, статьёй, написанной мною в то время, была, как я уже говорил, и статья «Рабочие волнения в СССР в начале 60-х годов», опубликованная на Западе на всех главных европейских языках, исключая русский(!).

«Волна рабочих выступлений того времени, — писал я в статье, — не только не получила поддержки со стороны российской интеллигенции, но даже не была ею замечена. В своей совокупности, как волна, «революта», кризис, она остается неосознанной и по сей день».

Подробности тех рабочих волнений были известны мне либо по рассказам очевидцев, либо по описаниям в самиздате и сообщениям иностранных корреспондентов из Советского Союза. Всего я собрал сведения о волнениях в 15 городах страны, начиная с Темир-тау (Казахстан), где выступление рабочих (в основном из Украины и Белоруссии) состоялось в октябре в 1959 года. Затем — события в г. Александрове (Владимирская область), Муроме, Нижнем Тагиле, Днепродзержинске (Украина), Одессе, Лубнах (Украина), Куйбышеве, Кемерово, Кривом Роге, Грозном, Донецке, Ярославле, Мурманске, Новочеркасске (июнь 1962 года).

Для всех выступлений того периода было характерно пробуждение гражданского достоинства у людей: причины волнений не сводились лишь к материальным требованиям и ни в одном случае не было проявлений насилия со стороны народа, анархии, грабежей — «русского бунта бессмысленного и беспощадного», которым интеллигенция и обыватели пугают друг друга. Власти же в большинстве случаев при разгоне демонстрантов и забастовщиков использовали оружие, вплоть до применения разрывных пуль, как то было в Новочеркасске. Никаких тебе водометов, слезоточивого газа или резиновых пуль. По сталинскому принципу — людей, решающихся на проявление открытого недовольства, следовало уничтожать, чтобы они в дальнейшем не будоражили народ и чтобы другим неповадно было.

Общая мотивация тех выступлений была близка к мотивации возникновения диссидентского движения среди интеллигенции — разочарование и возмущение фальшивостью хрущевских реформ и сохранением старых порядков.

В статье я исследовал также вопрос, почему схлынула волна рабочих выступлений, не вызвав цепной реакции, как, скажем, в Польше? И приходил к заключению, что первой тому причиной было отсутствие информации в стране о рабочих выступлениях. О некоторых событиях через много времени доходили лишь глухие слухи. В той же Польше о выступлениях рабочих в отдельных местах немедленно узнавала вся страна: люди сообщали о них друг другу по телефону. Потому что людей волновало то, что происходит в стране. А в России для огромной части обывателей все это было «по барабану», интересовали лишь свои дела и делишки. Сейчас это безразличие, переходящее в жестокое бессердечие, очевидно, еще более усилилось.

Информация о рабочих выступлениях не распространялась еще и по той причине, что в стране тогда не было диссидентского движения и не возникало цепочки: диссиденты — иностранные корреспонденты — «радиоголоса». Диссидентское движение возникло в 1965 году. (С протестов против суда над Синявским и Юлием Даниелем.) Факт протестных выступлений рабочих в начале 60-х годов разбивает утверждения многих диссидентов о холопской пассивности рабочих, их согласии с существующим режимом. Вопреки такому представлению «простой народ» в действительности пытался подняться против режима раньше, чем интеллигенция.

Но наткнувшись на жестокую реакцию властей и отсутствие солидарности в стране, выступления рабочих, естественно, прекратились. Они оказали минимальное влияние на атмосферу в Союзе, а на самих рабочих произвели даже негативное, деморализующее действие. Во время поездок по стране я неоднократно слышал от рабочих высказывания такого рода, что в случае новых серьезных выступлений власти не преминут использовать войска, «как то было в Новочеркасске». На заводах о волне возмущений начала 60-х знали и помнили лучше, чем в среде интеллигенции. И память эта стала служить тормозом. Терпеть поражение и погибать без какой-либо поддержки общества, без какого-либо отзвука, без смысла — подобное никогда еще никого не вдохновляло. И кто знает, заканчивал я, может быть, в начале 60-х из-за отсутствия солидарности в обществе была упущена возможность «польского развития» в Советском Союзе.¹

В «отмеренное время» (как сказал бы Солженицын) я также издал «Самоуправление» (Мюнхен, 1985) — усовершенствованный вариант книги «Свобода, власть и собственность».

Она открывается предисловием Иржи Пеликана, в котором он пишет: «В пестром спектре направлений и взглядов советского инакомыслия Вадим Белоцерковский представляет собой исключительное явление: в центре его внимания стоят идеи самоуправления и «инженерно-рабочий класс» — еще один, по мнению Белоцерковского, новый класс, сложившийся в специфических условиях государственного капитализма».

В заключение Пеликан высказывает мудрое предвидение будущего: «Что же касается СССР, то хотя я и являюсь сторонником самоуправления, считаю, что изменения к лучшему, по крайней мере в обозримой перспективе, могут произойти там скорее всего в результате борьбы в ведущей группе партийной номенклатуры между сторонниками ограниченных реформ и консервативным догматическим крылом партаппарата. Реформы должны прийти сверху, чтобы мог возникнуть простор, в котором станут возможными поиски новых решений и сможет найти свое место идея самоуправления. Но, разумеется, в конечном итоге все будет зависеть от того, выйдет ли на арену политической борьбы в России в качестве самостоятельной, «самоуправляющейся» силы «инженерно-рабочий класс», чтобы определить окончательное направление событий. Книга Вадима Белоцерковского, его идеи способны дать для этого мощный импульс».

Все так и получилось, за одним исключением — мой «новый класс» на арену не вышел, и «окончательное направление событий» до сих пор неясно, страна продолжает звереть, вырождаться и вымирать.

В приложении к «Самоуправлению» содержался ряд важных материалов, в частности, интервью с зарубежным представителем «Солидарности» Ежи Милевским и директором Национального исследовательского центра предприятий, принадлежащих работникам (США), Кари Розеном.

Книгу эту я издал за свой счет. Предложил было «Самоуправление» в издательство Валерия Чалидзе («Хроника-пресс»), который перед тем печатно заявил, что готов издавать книги, которые по политическим соображениям отвергаются другими эмигрантскими издательствами, в том числе и социалистической направленности. Я написал ему, предлагая даже оп-

¹ Эта статья также вошла в сборник «Из портативного ГУЛага русской эмиграции»

латить половину стоимости издания, имея в виду, что моя книга вряд ли окупится для него в русской эмиграции. И получил ответ, что его издательство принимает «необусловленные пожертвования любого частного лица с исследованием, однако, вопроса о том, являются ли эти пожертвования действительно личными или деньги получены от государственной или политической организации — последнее, как известно, для нас неприемлемо».

Можно подумать, что Чалидзе не знал, из каких денег я могу оплачивать издание! И я не знал, в какую графу он запишет мою зарплату на радио? Ведь я ее получал от государственной и одновременно политической организации — Конгресса США.

Короче, иди гадай, что означает этот ответ Чалидзе — кокетство «князя» (его «партийная кличка») или подготовку почвы для отказа? Я решил не терять времени и издать книгу полностью за свой счет.

И такой ответ Чалидзе дал мне после того, как я в течение долгого времени передавал в своих программах его статьи и брошюры. И Чалидзе, получая за эти передачи гонорары со «Свободы», по всей видимости, не исследовал, из каких они источников происходят!